

Кара-Мурза С.Г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ О «МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ»

EPILOG ABOUT «MANIPULATION WITH CONSCIOUSNESS»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессом манипуляции массовым сознанием в условиях информационного общества.

Abstract. In article the questions connected with process of manipulation with mass consciousness in the conditions of information society are considered.

Ключевые слова: массовое сознание, манипуляция, исторический дискурс.

Keywords: mass consciousness, manipulation, historical discourse.

Еще недавно понятие «манипуляция сознанием» считали обозначать важную технологию господства «современных» государств Нового времени, то есть, государств ареала западного капитализма. В традиционных государствах властители имели другие средства господства, а манипуляция сознанием — технология сложная, она создавалась и развивалась в лоне современной науки вместе с идеологиями капитализма.

Но в последнее время технология манипуляции духовной сфере людей быстро усилилась и перешла на другой уровень (хотя и прежние приемы тоже эффективны). В периоде краха СССР и кризисов в России вышли несколько крупных книг (в многих изданиях) о манипуляции сознанием, но сейчас необходимо срочно изучить, обсудить и предоставить новые и обновленные знания обществу и системе образования.

Эта статья — не оригинальна, это, скорее, короткий обзор этой проблемы, ссылки на суждения многих наших авторов и преподавателей невозможно, их очень много. Но заявить эту проблему надо.

Основа технологии манипуляции сознанием в западных культурах соединяет научную картину мира, особую антропологию (собственнический индивидуализм), особые социальную философию и этику, особую рациональность политики и права. Эта основа — часть «центральной матрицы» современного западного капитализма, и народы других культур еще до сих пор очень мало знают о сущности, целях и приемах этой технологии. А главное, люди

незападных культур считают, что «манипуляция сознанием» — это ловкие обманы, соблазны и виртуозное воровство. Ну, что ж, это есть во всех культурах, у всех разные — всем нам надо лучше смотреть, а не моргать. Но в действительности, большинство людей не подозревают, что за маской «манипуляции сознанием» скрывается мощное оружие, посредством которого можно вести целые общности туда, куда им не надо идти — и по разуму и по совести, и этого они не видят.

В XVII–XX вв. на Западе соединились наука с властью и экономикой, а далее стали возникать интегральные междисциплинарные области науки и практики. Так, власти США уже в 1860 г. привлекали антропологов к изучению культур аборигенов и для решений задач по управлению индейскими сообществами. Но систематически использовать антропологов и этнологов стали англичане. Необходимость познания этничности с помощью *научной методологии* обострилась в ходе «второй волны глобализации» — *империализма*. Когда интенсивное вторжение западного капитализма дестабилизировало традиционные общества и вызвало множество конфликтов, и структуру и динамику которых уже было нельзя понять с помощью здравого смысла, потребовалась научная технология.

В период между Первой и Второй мировыми войнами значительное число антропологов служили в МИДе и Министерстве по делам колоний Англии. Быстрое развитие этих областей происходило после Второй мировой войны в период разрушения мировой колониальной системы. С 1950-х годов специалистов по антропологии, этнологии и культурологии стали активно привлекать правительство и спецслужбы США для прикладных исследований в Латинской Америке, а также в разработках, связанных с войной во Вьетнаме. Шире всего исследования проводились в США. В 1970-е годы считалось, что в США работали две трети специалистов в антропологии и этнологии всего мира. Они имели достаточные ресурсы, чтобы вести работы во всех частях света.

Огромный массив эмпирического и теоретического знания науки США позволил эффективно воздействовать на сознание населения самих США и на общности разных стран и культур. Некоторые программы таких воздействий становились функциями интенсивных войн. Классическим примером был цепной процесс изменения сознания значительной части населения Германии, которая примкнула к фашизму. Этот пример был тщательно изучен именно в США.

Опыт фашизма показал ограниченность тех теорий общества, в которых не учитывалась уязвимость общественного сознания.

Крупный психолог XX века Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 г., до фашизма: «Христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что «белокожая бестия», мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями» [1, с. 231].

Потом он внимательно следил за фашизмом и все же в 1946 г. в эпилоге к своему трактату «Вотан» (1936) признал: «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему... Поведение немцев в целом ненормально; если бы это было не так, нам уже давно пришлось бы признать подобную форму войны нормальным положением вещей» [1, с. 231]. Таков был результат I Мировой войны в Германии. Юнг знал все «разумные» экономические, политические и пр. объяснения фашизма, но видел, что дело не в реальных «объективных причинах». Он сказал, «то, что наступило после войны, показалось бы нам настоящим шабашем ведьм». Загадочным явлением был именно массовый захвативший большинство немцев психоз, при котором целая разумная и культурная нация, упрятав в концлагеря несогласных, соединилась в проекте, который вел к краху.

Феномен германского фашизма нам очень важен потому, что к концу XX века этот необычный феномен стал моделью. Она позволила разработать много типов технологий гибридных войн и прокси-войн, которые ведут группы или общности, чьи сознание сдвинулось к иррациональной агрессии. Это уже не только воздействие на сознание граждан своей страны, но и создание целых армий боевиков, которые и не знают, что их картина мира деформирована институтами и центрами иных держав.

Массовое использование этих технологий обеспечивают в основном в США, но есть и международные центры и научно-технические бюро, которые берутся за крупномасштабные задачи. Этот период состояния рисков, угроз и бедствий открылся в ходе кризиса и краха СССР, и в его судьбе сыграли важную роль технологии манипуляции сознания. Чтобы понимать эти технологии и их методы, которыми воздействовали на наше сознание, требуется анализ нашего собственного восприятия этих действий. Они называются скучным термином **манипуляция общественным сознанием**.

В ходе подготовки этих программ сделано огромное количество находок и даже открытий, накоплено новое важное знание о человеке и обществе, об информации и языке, об экономике и экологии. Например, прежде чем начать решающие действия

в СССР и России в «перестройке», было получено ценное знание по этнографии и антропологии. Так, в какой-то мере, разрушение государства и советского народа произошло с неожиданной скоростью благодаря этому знанию. Но мир изменился не только из-за краха СССР — сама невидимая деятельность по манипуляции общественным сознанием множества народов Земли изменила облик мира и затронула практически каждого жителя планеты. И особенно культурный слой людей — читателя, телезрителя и погруженного в интернет.

Таким образом, книги о «манипуляции сознанием» (в том числе моей такой книги) завершили прошлый период этой проблемы и подошли состоянию нового «оружия массового поражения» мирного населения. И мы еще о нем мало знаем. Здесь представим несколько аспектов этого состояния, чтобы подготовиться к большому потоку литературы о том, как развивалась эта технология и как можно ограничить ее разрушительные возможности.

«Бархатные», «цветные» революции и так далее

Это специфический тип революций, который иногда обозначается словом «бархатные», «цветные» («оранжевые», «революция роз» и т. д.)¹. Но первая основная и самая крупная революция нового типа была «перестройка СССР», результат ее привел к разрушению Советского Союза и всего блока социалистических стран и их союзников. Разработка доктрины и стратегии была огромным проектом западной науки в ходе холодной войны. Кроме того, большой вклад в западный проект создали интеллектуалы-диссиденты (в основном левые и даже т. н. «экзальтированные коммунисты»), которые изучали свои общества и культуры внутри своих стран и государств.

Почему значительная часть советских гуманитариев, начав свою миссию с марксизма, плавно сдвинулись к антисоветизму, затем антикоммунизму, проникнутому революционной страстью, а одержав победу, почти все не увлеклись строительством буржуазного общества — это особая проблема и даже загадка, а может быть, даже угроза. Многие из них признали, что во время перестройки Горбачева их протесты и оппозиция были неконструктивны и затем разрушительны. Сейчас многие изучают этот процесс, но об этом надо говорить позже.

¹ Мы используем термин «революция» без апологии и без проклятий. Это — технология, инструмент, чтобы изменить важные системы страны, общества и народа.

Предшественницы «цветных» революций — «бархатные» революции 1980-х годов в восточноевропейских странах. Эти *неклассические* революции по многим важнейшим признакам отличаются от прежних и классовых, и цивилизационных революций. Те, кто следуют представлениям о революциях, принятым в историческом материализме, даже отрицают за «бархатными» и «цветными» операциями статус *революций*.

На деле «цветные» революции не просто приводят к смене властной верхушки государства и его геополитической ориентации, а и меняют основание легитимности всей государственности. Более того, меняется даже местонахождение *источника легитимности*, он перемещается с территории данного государства в *метрополию*, в ядро мировой системы капитализма. Например, США утверждают, что Каддафи — диктатор, а «народом Ливии» будет назначена небольшая группа «повстанцев», и ради утверждения их «легитимной власти» НАТО будет почти год бомбить всю страну — и большинство населения Запада с этим соглашается.

Да, «цветные» — это не *классические* революции. Но общественные явления и не ограничиваются классикой. Смена власти и в Грузии, и на Украине сопровождалась глубокими структурными изменениями не только в государстве и обществе этих стран, но и в структуре *мироустройства*. Две *постсоветские* территории резко изменили (хотя бы на время) свой цивилизационный тип и траекторию развития — они вырваны из той страны, которая еще оставалась на месте СССР, пусть и с расчлененной государственностью. Они перестали быть постсоветскими. Как же изменилось сознание значительной части населения Украины?

Политизация этнического чувства на Украине даже в конце перестройки была еще очень слабой. Вот вывод социологических исследований в СССР 1989–1990 гг.: «Наибольшую значимость этих [этнических] вопросов выразило население Прибалтийских республик (максимальное значение — 23%, минимальное — Украина — 6%) ... [На Украине] кроме гуманитарной интеллигенции (писателей, журналистов, педагогов) этими вопросами мало кто встревожен... Проблематика «крови и почвы» волнует преимущественно националистические почвенные группы. ... В целом их позиция мало значима для основной массы населения (на Украине этот пункт анкеты получил наименьшее число голосов — 1%; близкие данные по Казахстану — 2%)» [2].

Еще в середине 1990-х годов население Украины имело устойчивые просоветские установки, гораздо более определенные, чем в РФ. В постсоветских республиках с 1993 года в рамках про-

екта «Барометры новых демократий» работала большая группа зарубежных социологов. В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 году было сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлую и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе» [3]. Точнее, положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии — 88% и на Украине — 90%.

Более того, сравнительно недавно русские и украинцы вместе составляли ядро армии, которая выиграла Великую Отечественную войну. В числе погибших солдат и офицеров в войсках СССР русские и украинцы составляли 83% (5,76 млн русских и 1,38 млн украинцев). При этом в той войне на Украине захватчиками было преднамеренно истреблено мирного населения 3 091 987 человек, из них детей 73 887.

Мы сейчас точно не знаем распределения населения Украины по действительному отношению к России. Но есть основания принять, что часть населения украинцев за 10–15 лет была индоктринирована в ненависти к русским и России. И тот факт, что этот сдвиг произошел вопреки *интересам* жителей Украины, без внятных оснований и без всякой враждебности со стороны русских — чрезвычайно важный культурный феномен, до сих пор никак не объясненный. Его нельзя включить в анализ современного процесса как рядовой тривиальный параметр. Он говорит о такой степени лабильности и уязвимости духовной сферы человека, которую наша культура и не могла представить.

Для описания «бархатных» и «цветных» революций, которые сложились как технология свержения власти в самые последние десятилетия (*на пороге постмодерна*) — нет необходимости вдаваться в детальную классификацию множества революций второй половины XX века. Перед нами явление качественно новое, однако в него включены многие элементы прежних революций.

Для понимания хода революций надо вглядываться не только в противоречия, созревшие в базисе общества, но и в процессы, происходящие или возбуждаемые в надстройке общества — в культуре, идеологии и сфере массового сознания. Антонио Грамши дал сильную теорию таких революций, а в последние полвека накапливается и систематизируется богатый эмпирический материал. Эта работа достигла того уровня зрелости, когда появилась возможность быстро разрабатывать технологии таких революций применительно к конкретной обстановке. Для всех стран, не входящих в «метрополию» современного Запада и пытающихся про-

тивостоять втягиванию их в периферию этой метрополии, именно технологии этих «цветных» революций будут в среднесрочной перспективе представлять главную опасность их независимости, пока они не изучат новые подходы манипуляции сознанием. Эти технологии обеспечиваются мощью западных наук о человеке и его сознания, а также СМИ. Эти технологии обходятся гораздо дешевле, чем обычные войны, и почти не вызывают протестов в своих западных обществах.

В предельном состоянии *Смуты* в умах царит хаос — государство-жертва и его общество становятся беззащитными, т. к. граждане перестают видеть реальные угрозы и не могут соединиться для их отражения. «Цветные» революции — это революции *смуты* и *хаоса*.

Понятия представляют собой важнейший инструмент рационального мышления. В данном случае узкое и ограниченное понятие служит фильтром, который не позволяет увидеть целые типы реальных революций, определяющих судьбу народов. Образованные люди часто не видят даже революций, которые готовятся и происходят у них прямо на глазах. Тем более они не могут почувствовать приближения таких революций. Значит, общество теряет саму возможность понять суть вызревающей угрозы.

«Бархатные» и «цветные» революции не могут быть описаны в понятиях, взятых из теорий революции Маркса и Ленина. Даже Грамши задал лишь методологическую канву для их понимания. Это — революции *постмодерна*, они многое восприняли у фашизма. Главное заключается не в каких-то отдельных аспектах этого явления, а в том, что оно представляет собой совершенно новую, неизвестную государству и обществу систему.

«Бархатные» революции (и т. д.) как продукт постмодерна

Принято говорить, что «бархатные» революции — продукт эпохи постмодерна. Что это значит?

Революции эпохи модерна — как буржуазные, так и антибуржуазные — вызревали и предъявляли свои цели и свою доктрину на основе рациональности Просвещения. Язык и проблематика Просвещения задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов. Под доктринами революций был тот или иной *центральный текст*, корнями уходящий в ту или иную мировую религию. Революционные силы могли объединяться или раскалываться в связи

с трактовкой этого текста, но все это происходило в определенной системе координат, установки и вектор устремлений партий и фракций можно было соотнести с достаточно жесткими утверждениями.

Постмодерн разрушил главные центральные тексты, произвел, как говорят, их *деконструкцию*. Проблема истины или правильности понимания аксиом и формул исчезла, исчезли и сами аксиомы, они не складываются в системы. Цели и аргументы могут игнорировать причинно-следственные связи и даже быть совершенно абсурдными. Этот переход был на индивидуальном уровне ознаменован всплеском немотивированных преступлений, так что категории юриспруденции, возникшей как продукт Просвещения, зачастую просто неадекватны природе социальных патологий. На коллективном уровне мы наблюдаем всплеск немотивированных конфликтов, вспышек насилия, бессмысленных бунтов и терроризм.

Произошедшие недавно на наших глазах «цветные» революции просто не могут быть истолкованы в привычной логике *разрешения социальных противоречий*. Политологи с удивлением писали: «Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании ознаменованной этими революциями новой эпохи. После революций-то что? Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало» [4].

Двадцатый век был переломным в деле манипуляции общественным сознанием. Параллельно развивалась новаторская и жесткая практика *«толпообразования»*, превращение больших масс людей в толпу и предмета манипуляции ею. Возникли новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. Возникли и организации, способные ставить невероятные ранее по масштабам политические спектакли — и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций. Появились странные виды искусства, сильно действующие на психику (например, *перформанс*, превращение куска обыденной реальности в спектакль).

Особенностью политической жизни конца XX века стало освоение *уголовного мышления* политиками и даже учеными — мышления с нарушением и смешением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели в разных частях мира заговоры и интриги

ги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга. Мы видим резкое ослабление национального государства, одного из важнейших творений эпохи Просвещения. Едва ли не главным признаком этого ослабления является *приватизация насилия* — использование и морального, и физического насилия негосударственными структурами и коллективами (политическими и преступными). Зачастую уже государство втягивается как один из актеров в политические спектакли с применением насилия, поставленные теневыми режиссерами (как в случае терроризма).

Все это вместе означало переход в новую эру — *постмодерн*, с совершенно новыми, непривычными этическими и эстетическими нормами. Один из философов постмодернизма сказал: «Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели». Это само по себе — постмодернистская метафора. Здесь для нас важно отметить, что постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей.

Этот переход накладывается на более широкий фон *антимодерна* — отрицания норм рационального сознания. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Человек не может воспринимать их как реальность и потому не может на них действительно реагировать — он парализован.

В известном смысле постмодерн стирает саму грань между *революцией* и *реакцией*. Постмодернистский характер политических технологий, применяемых при «демократизации» государств переходного типа, проявляется в разных признаках архаизации общественных процессов. Одним из таких проявлений стал *политический луддизм*, который был применен в «цветных» революциях и, видимо, немало удивил наблюдателей: «появились первые признаки того, что на политической повестке дня оказались уже не вопросы борьбы за власть, а борьбы с властью». Ранее он был присущ «слаборазвитым» странам, и трудно было ожидать, что он так органично впишется в политические технологии страны с все еще высокообразованным населением.

Речь идет о том, что политическая сила, которая представляет себя как оппозицию существующей власти, демонстративно пре-

пятствует работе власти вообще — борется не против конкретной политики власти, а отвергает ее как институт, образно говоря, разрушает машину государства. По свидетельству наблюдателей общаши, «что протестующие толпы людей нападают на правительственные здания и уничтожают их и государственное имущество, парализуя общественные учреждения и службы, то есть тот самый общественный капитал и инфраструктуру, которые созданы якобы для их обслуживания».

Умами интеллигенции и рабочих во время «бархатных» революций в странах Восточной Европы овладели иррациональные установки, которых не ожидали в стране, пережившей интенсивную модернизацию. Люди ломали структуры развивавшегося общества и расчищали дорогу капитализму, вовсе того не желая. Польские социологи пишут, что это противостояние имело «неотрадиционалистский, ценностно-символический характер, «борьба добра со злом»» и было овеяно «ореолом героико-романтическим — религиозным и патриотическим». Сам феномен «Солидарности», вдруг исчезнувшей, относится к постмодерну.

В данный момент западные державы завершают цикл революций под названием «арабской весны». Этот цикл был начат с 2011 года. Коротко отметим один из элементов новых технологичных экспорта революций от «бархатных» до «арабской весны».

На первых этапах разработки концепции и технологии «цветных» революций подчеркивался их *ненасильственный* характер или, по меньшей мере, целенаправленное создание иллюзии безопасного ненасильственного развития событий. Поскольку на практике регулярно наблюдалось применение силы (иногда в очень крупных масштабах), эту характеристику стараются не акцентировать. Однако смысл ее важен. Принципиальная трактовка «бархатных» революций как ненасильственных обращается к мировоззренческой слабости государственной бюрократии стран переходного типа. Образ политического противника, отвергающего насилие, парализует главную силу, которую государство готовит для отражения революции — его силовые структуры.

В 1980-е годы XX века организация и технология «бархатных» революций стали объектом изучения и разработки в крупных государственных и полугосударственных учреждениях Запада. Примером служит Институт Альберта Эйнштейна в США (ИАЭ). Он был основан в 1983 г. на деньги «благотворительных фондов» Сороса и правительства США. В официальной декларации его целями названы «исследования и образование с целью использования ненасильственной борьбы против диктатур,

войны, геноцида и репрессий». Возглавляют его бывший офицер разведки, полковник, и профессор Гарвардского университета Джин Шарп. Он с помощниками постоянно ездит в намеченные для переворотов регионы для «поддержки революций». С 2000 по 2004 год к ИАЭ обращались за помощью группы диссидентов из 34 стран.

Технология «бархатных» революций использует слабость большинства современных государств, в которых была осуществлена «демократизация» и была декларирована свобода слова и собраний. В этих государствах в умы работников правоохранительных органов внедрена идея о недопустимости насилия по отношению к тем, кто допускает только «мягкие» правонарушения. Эта *неполноценность государственности* была заложена, как программа-вирус, в механизм власти всех стран переходного типа, в которых правящий слой впал в соблазн быть принятым в глобальную элиту «мирового сообщества». Они отказываются от продолжения большого проекта, альтернативного «либерально-демократическому проекту Запада».

Перестройка и начальная фаза рыночной реформы в СССР — чистый случай революции регресса, и советское обществоведение, исходя из теорий революции Маркса и Ленина, совершенно не могло предсказать. Такая *революция регресса* это вовсе не возврат к досоветской российской цивилизации, это выражается в демонтаже главных структур современной цивилизации — промышленности, науки, образования, больших технических систем.

В целом, речь идет о мощных политических технологиях нового, нам малоизвестного типа. Чтобы противостоять этим технологиям, нужны срочные усилия в изучении философии и культуры постмодерна, а также изучать практическое исполнение уже произведенных «цветных» революциях, как удачных, так и сорванных.

«Цветные» революции как спектакль

Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении *общества спектакля*. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена — весь мир, невидимый режиссер втягивает нас в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь.

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни

черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают политической технологией.

Использование технологий **политического спектакля** сейчас стало общим приемом и власти, и оппозиции. В каждом случае проводится предварительное исследование культуры того общества, в котором организуется изменение или свержение власти. На основании этого подбираются «художественные средства», пишется сценарий и готовится режиссура спектакля. Если захват власти проводится в момент выборов, эффективным приемом является создание обстановки максимально «грязных» выборов — с тем, чтобы возникло общее ощущение их фальсификации. При этом возникает обширная зона неопределенности, что дает повод для большого спектакля «на площади». Последнее время дало нам ряд классических примеров.

Разработка и применение этих технологий стали предметом профессиональной деятельности больших междисциплинарных групп специалистов, которые выполняют заказы государственных служб и политических партий. Эти разработки ведутся на высоком творческом уровне, сопровождаются оригинальными находками и в настоящее время стали важным проявлением высокого научно-технического потенциала Запада. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов.

Анализ использования воображения для превращения людей в толпу, как выше сказано, дал в 1967 г. французский философ Ги Дебор [5]. Он показал, что современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его образом реальности, искусственно сконструированным «режиссерами». В человеке складывается убеждение, что главное в жизни — видимость, да и сама его общественная жизнь — видимость, спектакль. И оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время.

Человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима *диалога*, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние поддерживается искусственно, возник даже особый жанр и особая способность — *непрерывное говорение* (часто в форме talk-show). Человек, слушающий его, просто не имеет возможности даже мысленно вступить с получаемыми сообщениями в диалог. На радио и телевидении,

на митингах и массовых собраниях появились настоящие виртуозы этого жанра.

Общество спектакля — это «вечное настоящее». В реальной жизни время, как важнейшая координата бытия, ощущается в движении «прошлое — настоящее — будущее». Настоящее понимается в неразрывной связи с прошлым и с ответственностью за будущее. Спектакль способен как бы «остановить» настоящее. Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов. Из кого же состоит общество, не способное выработать своего мнения? Это общество из людей «мозаичной» культуры, людей *постмодерна*. Когда истины нет в принципе, а есть только интерпретации разных кусочков мозаики — как же можно выработать общее мнение?

В версиях «цветных» революций режиссеры сначала ставят спектакли радостные, толпу соединяют чувством восторга. Вот — свойство хорошо поставленного спектакля эпохи постмодерна — сами зрители становятся «инструментом производства иллюзии». Достаточно небольших начальных инвестиций, чтобы запустить двигатель спектакля, а затем он работает на энергии эмоций, самовоспроизводящихся в собранную на площади толпу. Объект манипуляции сам становится топливом, горючим материалом — идет цепная реакция в искусно созданном человеческом «реакторе».

В следующей фазе людям показывают кровавый спектакль, и этот контраст наносит массе населения культурную травму и распад структур рационального сознания. В действительности на последних этапах такая революция становится все менее «бархатной». Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают политической технологией. Последнее время дало нам два классических примера — «революцию роз» и «оранжевую революцию».

Разработка и применение этих технологий стали предметом профессиональной деятельности больших междисциплинарных групп специалистов, которые выполняют заказы государственных служб и политических партий. Эти разработки ведутся на высоком творческом уровне, сопровождаются оригинальными находками и в настоящее время стали важным проявлением высокого научно-технического потенциала Запада. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов.

От классов — к этничности

«Цветные» революции, как революции эпохи постмодерна, отличаются от революций эпохи модерна очень важным и трудно осознаваемым свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют сплывающий и разрушительный ресурс *этничности*. Революции индустриальной эпохи сплывали своих сторонников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под лозунгами классовой борьбы, под знаменем интернационализма людей труда и, можно сказать, маскировали этничность социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в идеологии. Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет *класс — этносом*. Это и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых исключается сама проблема истины — она заменяется этнической мифологией.

Важным результатом этих революций-спектаклей становится не только изменение власти (а затем также и других важных в цивилизационном отношении институтов общества), но и порождение, пусть на короткий срок, *нового народа*. Возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иными ценностями, записанными где-то вне данной культуры. Создание «нового народа» (или даже *новой нации*) в ходе подобных революций — один из ключевых постулатов их доктрины.

Опыт показал, что политизированная этничность может быть создана буквально «на голом месте» вместе с образом врага, которому разбуженный этнос обязан отомстить или от которого должен освободиться. Достигаемая таким образом сплоченность по своей интенсивности несравненно сильнее той, что обеспечивают социальные мотивы. При этом массы образованных людей могут прямо на глазах сбросить оболочку цивилизованности и рациональности и превратиться в архаичную фанатичную толпу. Власть, действующая в рамках рациональности, с такой толпой не способна конструктивно говорить (что и показали, например, события конца 80-х и 90-х годов).

В ряде случаев сдвиг к постмодерну провоцирует этнизацию и архаизацию обществ, как это происходит в странах, переживающих всплеск *трайбализма*, родоплеменного сознания и организации. Не менее сложные проблемы обещает неожиданный возврат

этнического сознания в странах Запада. Но чаще всего агрессивное этническое сознание разжигается в государствах переходного типа в политических или преступных целях.

На эту способность постмодерна провоцировать и искусственно интенсифицировать этногенез, указывают и антропологи. Антисоветские революции в СССР и в Восточной Европе, сходная операция против Югославии опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и попыток их интеграции.

Отсюда видно, что эффективно проведенная «цветная революция» означает фундаментальное событие в судьбе общества — разрыв непрерывности. Часть населения, подчинившись гипнозу спектакля, выпадает из традиций и привычных норм рациональности предыдущего общества — «перепрыгивает в постмодерн». Но при этом она разрывает и свою связь с реальностью страны, ее новые ценности и «стиль жизни» не опираются на прочную материальную и социальную базу.

Проблемы сознания политиков и населения западных держав

После краха СССР Запад, который не может существовать без врага, на время оказался в мировоззренческом вакууме. С 1990 г. мы видим небывалый всплеск производства фильмов, в которых на «цивилизацию» наступают самые различные фантастические враги — ящеры, инопланетяне, вампиры, пауки и пр. Схема *наступления Зла* «из-за фронта» от фильма к фильму не меняется, но в совокупности вся эта культурная продукция отражает психопатическую потребность буржуазного общества во враждебном *ином*.

Поиски закончились созданием образа вселенского зла в виде *международного терроризма*. Для этого общества в его картины мира это зло распространяется в порах во всех обществах, и оно не имеет конструктивных целей. Оно — воплощение хаоса, наступающего на порядок цивилизации. Будучи непонятным и вседущим, оно внушает ужас. Терроризм оживил латентный «страх Запада».

Можно провести аналогию с той парадигмой, которую выразил роман Уэллса «Война миров». Он так точно выразил мироощущение западного человека в момент острого кризиса индустриализма, что в 1938 г. даже простая передача по радио инсценирован-

ки романа вызвала в США массовый психоз и панику. Но разница между двумя случаями существенна. Марсиане Уэллса были явно *Иными* — могучими, но хорошо обозначенными и в этом смысле понятными. Террористы начала XXI века, скорее, воспринимаются как *Тень*, которая нападает на своего хозяина. Она невидима и неразличима, что внушает особый страх. Уэллс внушал оптимизм — марсиане погибли от бактерий, которые были безопасны для людей. Сейчас положение другое — цивилизации угрожают ее же «бактерии», с которыми произошла мутация. Ведь бен Ладен и талибы — создание самих США, а международный терроризм — «непристойный двойник» транснациональных корпораций.

Вот наглядный эпизод. В 1988 году, в разгар перестройки Горбачева, социологи США провели исследование «Советская и американская молодежь: сравнительный взгляд» [6]. Результат был таков: 42% американцев опасались, что ядерная война произойдет при их жизни, и лишь 14% надеялись, что ее не будет никогда. В СССР молодежь ответили так: 9% опасаются войны и 56% — уверены, что войны не будет. И вскоре крах СССР снял ограничение для попытки Западу установить глобальный либеральный международный порядок. Однополярный мир во главе с США был объявлен тотальным и всеобъемлющим. Но реальный мировой порядок уже четыре века уравнивался двумя несоизмеримыми категориями свободы: либерализмом Запада и суверенитетом государств, утвержденным Вестфальским миром.

Либерализм Запада был в мировой политике признан как реальность, но жизнеустройство незападных стран было защищено суверенитетом. Невмешательство во внутренние дела суверенных государств было фундаментом международного права и было признано в идеологии либерализма. Нарушение его приводило к войнам, вплоть до мировых. После 1945 г. Вестфальская система была укреплена ялтинскими соглашениями, но после 1990 г. ценность права и суверенитета для незападных стран была отброшена (если они не успели обзавестись ядерным оружием).

Более того, верхушка США уверяла свое население, что его держава стала гегемоном Земли — и в то же время нагнетает страх в среде своих граждан. Сейчас можем было бы реконструировать этот процесс со времен Рейгана, но для политологии остается загадкой: почему руководство и элита великой державы США, по окончании холодной войны и ликвидации СССР с его военным блоком, резко сдвинулись от парадигмы *realpolitic*, которая гарантировала Западу спокойное развитие с преодолением всех частных кризисов индустриализма. Что толкнуло либераль-

ную и неоконсервативную элиту Запада начать глобальную программу лавинообразной дестабилизации международного права и разрушения жизнеустройства многих регионов мира? Ведь было почти очевидно, что создаваемые этой программой риски обернутся нарастающим ущербом самому Западу с неопределенным исходом.

В 1990 г., когда был запущен проект «однополярного мира», американский политолог Дж. Миршаймер написал статью «Почему мы вскоре затоскуем по холодной войне» [7]. Он предвидел, что в мире будет не хватать «того порядка, какой холодная война вносила в анархию международных отношений». Почему достижение советским блоком военного паритета с Западом «заморозило» глобальные проекты мирового господства? Почему державы Запада за короткий отрезок XX века организовали две мировых войны, а баланс сил США и СССР стабилизировал мироустройство, которое сложилось после Второй мировой войны?

Н. Хомский обращает внимание на такой сдвиг политиков США в иррациональность. Он излагает рекомендации Стратегического командования США в 1995 г., вошедшие в «Основные положения доктрины сдерживания после холодной войны». Идея их такова: если жизненно важные интересы США поставлены под угрозу, «выставить себя в роли иррациональной и мстительной страны». Как сказано, «это должно быть частью нашего образа как нации, который мы демонстрируем нашим противникам... Представлять себя абсолютно рациональным и хладнокровным — значит оскорблять себя... Тот факт, что некоторые элементы [государства] могут казаться потенциально «неконтролируемыми», способен принести выгоду; ведь это только вселит страх и сомнения в умы тех, кто принимает решения на противоположной стороне баррикады» [8].

Н. Хомский добавляет: «Этот доклад воскрешает никсоновскую «теорию сумасшедшего»: наши враги должны осознавать, что мы безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле».

Понятно, как трудно найти общий язык для диалога с такими иррациональными хитрецами. Еще труднее верно понять, каковы ценности, интересы, чаяния, страхи и предрассудки довлеют над элитой Запада.

В докладе Римскому клубу «Первая глобальная революция» (1991) предсказывается такой ход событий: «Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имею-

щая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего... Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном побережье Средиземного моря... Приток мигрантов может вызвать резкое усиление «оборонительного» расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов...

Технологические нововведения дают преимущества передовым странам в ущерб тем, которые находятся на более ранней стадии экономического развития...

Таким образом, нашим настоящим врагом является само человечество» [9].

Таков был в 1991 г. пессимизм элиты Запада!

Вестернизация и архаизация

В последнее время в культуре элиты США произошел резкий сдвиг, который очень трудно объяснить, но он влияет и на сознание большой массы населения. Дело в том, что уже при Рейгане верхушка США в отношении к СССР, а затем и в отношении многих других стран, приняла иррациональный и архаический дискурс, а затем вплоть до нынешнего момента развивала это представление уже о постсоветской России.

Американский историк и теоретик вестернизации Т. фон Лауэ высказал такое тяжелое суждение: «Как мало людей на бесконечно привилегированном Западе понимают всю глубину отчаяния, разочарования и ненависти, в которые мировая революция вестернизации ввергла свои жертвы; общественное мнение, снимая с себя ответственность, до сих пор предпочитает видеть лишь позитивные аспекты вестернизации» [10].

Но теперь вестернизация сочетается с архаизацией. Еще в Древнем Риме для оправдания его экспансии сложились понятия *справедливой войны* (*bellum justum*) и «*незаконного врага*» (*hostis injustus*). В средневековые римские понятия соединили с ветхозаветным понятием «обязательной священной войны», которую ведут против врагов Бога, т. е. против **зла**. Иммануил Кант добавил, что «право государства по отношению к *несправедливому врагу* не имеет ограничений». Исходя из этих средневековых категорий, США и стали действовать в конце XX и начале XXI вв.

Так, НАТО совершало бомбардировки Югославии в 1999 г. без мандата ООН, а в 2003 г. — вторжение США в Ирак, также без мандата ООН. А в последние годы — предприняли военную интервенцию в Ливию, присеем, во время разгрома Ливии из риторики Запада были радикально вычищены. А ведь население Ливии было обеспечено социальными стандартами, небывало высокими для большинства арабских стран. В войне на уничтожение Сирии не было ни одного требования социального типа, как и вообще никакого рационального аргумента. Запад организовали военную поддержку одной из сторон гражданской войны в Сирии, и требовали отстранения законного президента. Во всех случаях военные действия были представлены как война со злом, против незаконного врага, *hostis injustus*. Международное право отброшено, действовала норма «право Запада по отношению к несправедливому врагу не имеет ограничений». В «однополярном» мире роль судьи, жандарма и палача возлагается на США.

С XVII по XX вв. попытка упразднения понятия *justa causa* и отказ понятия *законного врага (justus hostis)*, — суверенного государства. Но старое международное право сменилось мировыми войнами, ведущимися на истребление и до полного разгрома противника. Версальский мир возвратил в международное право доктрины справедливой войны, теперь представления Запада реализуется это древнее учение в полный рост — уже в конце XX столетия, в начале XXI в.

Примеров много. Западные режимы утверждают, что эти операции ведут некие условные силы «Добра» против выдуманных ими же сил «Зла», что военные действия направлены на незаконного врага, *hostis injustus*, а международно-правовые нормы второстепенны. Военная операция в любой момент может быть объявлена законной с позиций «международного сообщества». На горизонте замаячила угроза права сильного.

Еще одно распустье для Запада — 11 сентября 2001 г.

До сих пор мы не знаем точно, кто организовал и кто выполнили эту немислимую операцию, но она сдвинула развитие политики и сознания властной элиты Запада. Что же показало изучение событий 11 сентября? Для нашей темы он высветил социокультурную сущность общества постмодернизма, независимо от того, кто в действительности совершил теракт. Такому анализу была посвящена большая литература и выступления видных философов и культурологов. Почти все философы сошлись в том, что глобали-

зирующийся мир производит террор как *свой собственный продукт*; терроризм не является явлением внешним и автономным от глобализации. Исполнители терактов владеют не только техническими и финансовыми средствами постиндустриального общества, но и соответствующими интеллектуальными технологиями.

Так, они эффективно программируют масс-медийное воздействие своих символических жестов, то есть, обладают структурами мышления самого продвинутого информационного общества и владеют современным информационным оружием Запада. Они действуют в культурном пространстве постмодернизма и глубоко проникли в сущность «общества спектакля». Таким образом, современный терроризм имманентен постиндустриальному обществу. Американское общество, как говорят, действительно «грезило» терроризмом.

Художественными средствами это предчувствие было выражено в большом числе фильмов, которые точно, вплоть до деталей, создали апокалиптический образ того, что произошло 11 сентября (несколько подобных фильмов были еще в производстве и их запретили к прокату). По словам Бодрийера, США «питали террористическое воображение» буквально во всем мире. Они и породили явление, которое ударило по ним самим. «Нас уверяли: «Бог не может объявить войну самому себе, — сказал в этих дебатах Бодрийер. — Нет, может. Запад, ставший Богом (обладающий божественным всесилием и абсолютной моральной легитимностью) ... объявил войну самому себе»» (см. обзор [11]).

Но терроризм только начал показывать Западу масштаб тех последствий для него, которые порождает глобализация. Это обнаружило хрупкость и незащищенность постиндустриального информационного общества. С. Жижек сказал по этому поводу: «Ощущение того, что мы живем в изолированном искусственном мире, вызывает к жизни представление, что некий зловеший агент все время угрожает нам тотальным разрушением извне». Этот страх неизвестности консолидирует средний класс Запада и оправдывает политические решения.

После теракта в Нью-Йорке в 2001 г. в элите США произошел резкий сдвиг к имперской идеологии, который начался в 1980-е годы. В Белом доме президенту Бушу предположили тему мирового лидерства Америки и ее гегемонии, изложенная в книге (2002 г.) «Политика воинов: почему лидерство требует языческого этоса». Автор книги Р. Каплан пишет, что США стали «более безжалостны в решении задач экономической турбулентности», равно как и в вопросах «демографического роста развивающихся стран,

в отношении к природным ресурсам этих стран». В 1990-е гг. этот сдвиг ускорился, и была сделана ставка на «идеологию страха», консолидирующую Запад синдромом «осажденной крепости». Был создан устрашающий образ «варваров на пороге» — *международный терроризм и мигранты*. Кульминацией этой кампании было идеологическое использование теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке.

Эта идеология «архаизирует конфликт», представляет его в терминах *фундаментализма*, как борьбу *Добра* (демократии) против *Зла* (тоталитаризма). Террористический ответ на террор Нового мирового порядка питается ненавистью всего многообразия идентичностей, которые были репрессированы нынешней глобализацией. Ислам — не более чем грубое идеологическое обозначение антагонизма, который разлит везде и пребывает, по словам Бодрийяра, «в каждом из нас». Этика накопления богатства должна была стать силой, цементирующей *глобальное* меньшинство. «Терроризм богатых», желающих гибели миру, стоящему на этике наживы, ставит крест на доктрине такой глобализации — она неадекватна сложности структуры человеческих стремлений и культур. Конфигурация общественного конфликта стала сложной, и загнать ее в модель борьбы *Добра* со *злом* невозможно.

Идеология сдвигается к иррациональности — государство создает условия для паники. Так, в США увеличился страх стать жертвой преступления. Признаком этого сдвига стало «усиление экспрессивной жестокости наказания преступников». До начала 1990-х гг. большинство среднего класса было настроено либерально в отношении преступников, теперь сострадание к преступнику сменяется гневом и страхом. Поддержка смертной казни в США за 1974–1994 гг. выросла с 58 до 74% опрошенных. В 2010 г. поддерживали смертную казнь 83%, противники составили всего 13%. Число заключенных растет, достигнув в 2007 г. 2,3 млн. В 2010 г., в США было 730 заключенных на 100 000 населения, а в Западной Европе от 59 (Финляндия) до 150 (Англия).

Социологи и философы (С. Лэш и Дж. Урри) считают, что глобализация принесла с собой «конец организованного капитализма». Эта «глобальная дезорганизация» и отступление национального государства — продукт глубокого кризиса. В момент краха СССР снова стали появляться предупреждения: вектор мирового развития тяготеет к катастрофе. Глобализация неизбежно ведет к возникновению нового типа войны — не мировой, а всемирной «*молекулярной*», которую будут вести выброшенные из общества люди против остатков государства. Это мы уже наблюдаем и в Аф-

рике, и в Азии, да и в Европе. А организованная в арабских странах мятеж-война — уже огромное предприятие. Признаки «гибридной» глобальной войны уже видны.

Те кризисы, которые возникают, как цепной процесс, по всему миру, отличаются от кризисов модерна. Они вырастают из хаоса или неопределенности финансовых потоков в необычных масштабах и с необычной динамикой. Ж. Аттали реконструирует процесс вызревания кризиса 2008 г. и особо отмечает роль в нем идеологии глобализации: «В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно все, опьянение властью слов и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию.

Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог ее выбрал и гарантирует победу именно ей» [12].

О людях, преобразованных катастрофой

Культурные кризисы со сдвигами в системе ценностей происходят в результате сильной *культурной травмы*. После перестройки и «бархатных революций» эта категория вошла в социологию как обозначение необходимого фактора для анализа кризисных явлений в обществе. Такая травма дестабилизирует рациональное сознание, и вся духовная сфера переходит в состояние *неустойчивого равновесия*, возникает «подвижность отношений и правил». В этом состоянии вся система «чаяний» некоторых общностей может быть при малом усилии сдвинута в иной коридор. Для этого всегда имеются исторические предпосылки, но не они являются причиной неожиданных изменений вектора мыслей целых народов. Рассудительные немцы не собрались бы под флагом фашизма из-за того, что кучка интеллектуалов читала Ницше, хотя это кто-то может посчитать предпосылкой. Но более правдоподобно, что точкой бифуркации стала культурная травма унижения Германии после поражения в войне и последовавший кризис.

Катастрофическое изменение системы — вот что порождает такие необычные выбросы энергии, которых никто и не мог вообразить. В состоянии неустойчивого равновесия «все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным». Это — суждения С. Московичи в его книге «Машина, творящая богов» (1988) [13].

Известно, что нельзя описать «население» (человеческие общности) только посредством социальными и культурными индикато-

рами — с ними неразрывно связаны и психическое. В стабильные периоды обе эти ипостаси человека в массе мирно сосуществуют, а девиантное поведение отдельных личностей воспринимается как неприятная аномалия. Но неожиданные обширные кризисы, социальные бедствия и катастрофы потрясают сознание, и духовная сфера значительной части населения получает «контузию». Возникают большие общности с «измененным сознанием». Картина мира этих людей сдвигается к иррациональному, поведение становится неопределенным или непредсказуемым.

Видный российский психиатр Ю.А. Александровский пишет о травмах социальных потрясений: «Известный немецкий психиатр и философ Карл Ясперс проанализировал изменения психического состояния населения Германии после её поражения в I Мировой войне. Он сопоставил их с психическими явлениями в беспокойные времена среди населения других стран — после эпидемии чумы в XIV веке в Европе, во время Великой французской революции, а также после революции 1917 года в России. Ясперс пришёл к заключению, что наблюдаемые в такие периоды глубокие эмоциональные потрясения касаются всех. Они «воздействуют на людей совершенно иначе, чем потрясения сугубо личного свойства». В первую очередь происходит «девальвация ценности человеческой жизни. Это выражается в равнодушии к смерти, снижении чувства опасности в угрожающих ситуациях, готовности жертвовать жизнью без всяких идеалов». Наряду с этим Ясперс отмечает «неуёмную жажду наслаждений и моральную неразборчивость» [14].

Явления этого типа различаются масштабом и оттенками в разных культурах, но ядро их структуры в главном одно и то же. Люди, пережившие катастрофу, получают сильную культурную травму. В этом состоянии многие из них легко поддаются манипуляции.

Ю.А. Александровский так классифицирует травмы современной российской реформы: «[После 1991 г.] наступил экономический и политический хаос, породивший безработицу, миллионы беженцев, значительное расслоение по уровню материальной обеспеченности. Эти причины, а главное, затянувшийся характер негативных социальных процессов привели к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества... Отсюда — тревожная напряжённость и развитие «кризиса идентичности личности»...

Выделяют три варианта расстройств. Первый выражается в апатии, отчуждённости, чрезмерной тревожности или депрес-

сии. Второй вариант — разрушительная, направленная вовне агрессия. Третий вариант — развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями мистического, иррационального содержания» [14].

Это — проблема социальной психологии: «Воля индивида, загипнотизированного тем, что он считает своей миссией, может привести к экстремальному разрушению и резне. Мы видели это на примере Гитлера в Германии, Пола Пота в Камбодже» [С. Московичи].

Здесь мы кратко рассмотрим третий вариант сдвига в результате культурной травмы — «развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями». Во всех странах, которые прошли через бедствия и катастрофы, как Афганистан или Сирия, возникают кризисные общества со «сверхценными идеями мистического, иррационального содержания», с разными направлениями, интенсивностью и масштабе. Такие люди легко поддаются манипуляции их сознанием. Особая часть — активные радикалы, которые рвутся силой улучшить мир или хотя бы его уничтожить.

Вот признание известного американского экономиста Джеффри Сакса: «Больно это признавать, но Запад, особенно США, несет значительную ответственность за создание условий, в которых ИГИЛ расцвел... Общественности, действительно, никогда не рассказывали истинную историю Усамы бен Ладена, Аль-Каиды, или подъема ИГИЛ в Ираке и Сирии. Начиная с 1979 года ЦРУ мобилизовало, набирало, готовило и вооружало молодых людей из суннитов для борьбы с Советским Союзом в Афганистане. ЦРУ усиленно вербовало молодых людей из мусульманского населения (в том числе Европы), чтобы сформировать моджахедов... Бен Ладен, из богатой саудовской семьи, был доставлен туда, чтобы помочь провести и совместно профинансировать операцию... Ничем не спровоцированная война Америки в Ираке в 2003 году высвободила демонов. На основе лжи ЦРУ была начата не только сама война, ... много сделали для порождения хаоса, кровопролития и гражданской войны. Именно эти потрясения позволили ИГИЛ, захватить и удерживать территорию Сирии, Ирака и части Северной Африки» [15].

Российский социолог Н.С. Седых, изучающая методы вербовки террористов, пишет: «Мотивационной доминантой «экстремистского сознания» является вера в обладание высшей, единственной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа, социальной группы или всего человечества...

Крайняя нетерпимость к инакомыслию, а также всякого рода сомнениям и колебаниям, перерастающая в убеждение, что нормальный, полноценный человек просто не может видеть вещи в ином свете, чем тот, который открывается благодаря обладанию абсолютной истиной» [16].

В населении, получавшем «культурную травму», психика у большинства пограничная. Но какая-то часть «переходит границу», из общества вырывается группа извергов, одержимых разрушительными мессианскими идеями, и которых ведут ловкие пророки. Перед нами разворачивается драма мирового масштаба.

Юнг писал (11 мая 1945 года): «Германия всегда была страной психических катастроф: Реформация, крестьянские и религиозные войны. При национал-социализме давление демонов настолько возросло, что человеческие существа, подпав под их власть, превратились в сомнамбулических сверхчеловеков, первым среди которых был Гитлер, заразивший этим всех остальных. Все нацистские лидеры одержимы в буквальном смысле слова, и, несомненно, не случайно, что их министр пропаганды был отмечен меткой демонизированного человека — хромотой» [17].

Юнг поставил Реформацию на первое место, но это и была системная катастрофа. Она потрясла и продолжает потрясать весь Запад. В мифологизированной истории англо-саксонской культуры замалчивалась та роль, которую сыграла в «протестантской науке» проблема *ведьм и демонов* — поскольку ученые принимали непосредственное участие в жестоких репрессиях. Ричард Бакстер («самый великий из пуритан») представлен Мертоном как выразитель духа новой науки. Но именно Бакстер в 1691 г. опубликовал книгу «Доказательство существования мира духов», в которой призывал к крестовому походу против «секты Сатаны». В Германии «настольным руководством в процессах о ведьмах» были труды «отца германских криминалистов» лейпцигского профессора Бенедикта Карпцов — он как судья лично подписал двадцать тысяч смертных приговоров.

Фанатичной иррациональностью отмечены установки некоторых сект (включая научные коллегии), которые перебрались в Америку. Реальность обстановки в пуританской Новой Англии самого конца XVII века описана историками в таких выражениях: «К середине 1692 г. процессы над «ведьмами» получили наибольший размах. Тюрьмы были переполнены, жизнь любого уважаемого гражданина зависела от тайного или открытого доносчика, «видевшего» призрак и сообщившего властям об этом. Ничто не могло стать гарантией социальной безопасности. Никто не смел вста-

вать на защиту жертв — самовольных защитников немедленно обвиняли в пособничестве дьявольской силе» [18].

Идеологами этих процессов был ректор Гарвардского университета Инкрис Мезер и виднейший американский ученый того времени, естествоиспытатель, философ и историк Коттон Мезер. Осенью 1692 г., по завершении сейлемских процессов, К. Мезер написал трактат «Чудеса незримого мира», где давал богословское обоснование казней: «Полчища бесов, к ужасу нашему, вселились в город, являющийся центром колонии и в известном смысле первенцем среди наших английских поселений».

А в наше время мы часто забываем, что кроме разума и сознания в нашей духовной системы существует тонкая, сложная и сфера — *психика*. Ее надо оберегать, поддерживать и соединять с сознанием. И защищать ее от *манипуляций* от мошенников всяких типов. Это чрезвычайный и тяжелый долг.

Таким образом, наши книги последних годов о «манипуляции сознанием» — это лишь пролог для рассуждений о новых измененных воздействиях на сознания массовых общностей людей в разных странах и культурах. За последние 30 лет мы увидели драматические операции с новыми политическими технологиями, но только сейчас поняли, что отстали от процессов созданий инструментов господства и разрушений общностей, культур и образов жизни.

Нынешнее время нередко называют «переходным периодом». В этих словах скрыт большой смысл. Переход — между чем и чем? Сегодня мы застряли в пространстве между разными типами жизнеустройства, и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет **манипуляция сознанием**.

Мы должны оценить риски и альтернативы наших выборов. И обдумать эти варианты должны все.

Библиографический список

1. Карл Густав Юнг о современных мифах: Сб. тр. / Под ред.: М. О. Оганесяна, Д. Г. Лахути. М.: Практика, 1994), с. 231.
2. Есть мнение (ред. Ю. А. Левада). М.: Прогресс. 1990, с. 198–199.
3. Роуз Р., Харпфер Кр. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократи-

- ческому обществу // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1996, № 4.
4. *Маслов О., Прудник А.* «Бархатная революция» как неизбежность // Независимая газета, 13.05.2005.
 5. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: ЛОГОС, 2000.
 6. *Браунгарт Р.Д., Браунгарт М.М.* Советская и американская молодежь: сравнительный взгляд. // Политические исследования. 1991. № 4.
 7. *Mearsheimer J.* Why we will soon miss the cold war // Atlantic. Boston. 1990. Vol. 266, № 2.
 8. *Хомский Н.* Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003, с. 29.
 9. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. М.: Прогресс. 1991.
 10. *Von Laue, Th.* The World Revolution of Westernization. N.Y., 1987, p. 72.
 11. *Осипов Г.В., Кара-Мурза С.Г.* Общество знания: История модернизации на Западе и в СССР. М.: УРСС. 2012.
 12. *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. Что дальше? М.: Питер. 2009, с. 76.
 13. *Московичи С.* Машина, творящая богов / Пер. с фр. — М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998.
 14. *Александровский Ю.А.* Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС. 2010. № 4.
 15. *Сакс Дж.* Как остановить ответный ход терроризма / <https://www.project-syndicate.org/commentary/islamic-state-blowback-terrorism-by-jeffrey-d-sachs-2015-11/>.
 16. *Седых Н.С.* Информационно-психологические способы вовлечения молодёжи в терроризм // Вопросы безопасности. 2014, № 3.
 17. *Юнг К.Г.* Обретут ли души мир? // Die Weltwoche, 11 мая 1945 / <https://monocler.ru/karl-yung-demonov-privlekayut-massyi>.
 18. *Покровский Н.Е.* Ранняя американская философия. М.: Высшая школа. 1989, с. 165–166.